

Чрезмерный талант, или Десять лет без Параджанова

Известный кинорежиссер Роман Балаян рассказывает о неизвестных подробностях гулаговой эпопеи, которую пережил его замечательный коллега — Сергей Параджанов

— Когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с Сергеем Иосифовичем?

— Если не изменять память — в 65-м году. В Киеве после триумфа его фильма «Тени забытых предков» все мне говорили: Параджанов — гений. Но фильма я пока не видел, и Сергей был как бы неинтересен. Я лишь слышал о некоторых его нестандартных наклонностях и не очень стремился к знакомству.

...Мы пришли к нему с моим однокурсником, сыном бывшего главного редактора Киностудии имени Довженко. Параджанов открыл дверь. Однокурсник, которого Сергей в детстве качал на коленях, с ним был на «ты»: «Сергея! Рома — мой сокурсник, армянин...» — «Чемучем, чемучем, мзре кунем, ля-ля-ля-ля!» — запел Параджанов по-армянски с матерными рифмами. Его армянский мат очень меня покорило. Но мы уже зашли в квартиру. А он продолжал разговаривать в той же стилистике и все меньше и меньше мне нравился. Спустя полчаса мы покинули его. И Параджанов сказал мне напоследок: «Заходи, но без дураков». Он имел в виду однокурсника: тот, видимо, Сергею не нравился.

В гости, естественно, после такой встречи я не рвался. Однажды в какой-то компании встретились, и я спросил Параджанова: «Когда можно посмотреть «Тени»?» — «Неужели фильма не видел?» — «Нет». — «Завтра в студии просмотр для миллионеров». — «Прежде хотел бы прочитать сценарий». (Тогда модно было сравнивать, насколько сценарий отличается от режиссуры) — «Сценария нет — есть книжка». Я ее достал, успел прочесть. И обалдел. Почти все, что ощутил (безусловно, не в той мере, как Параджанов), увидел на экране. Пришел к нему: «Я в восторге. Картина — гениальный кинопримитив». Он не понял и обиделся: «О чем говоришь?» — «Примитив в лучшем его смысле», — пытался я втолковать. В кино это, в отличие от живописи, удается чрезвычайно редко. С этого дня я действительно стал считать его гением. И перестал обращать внимание на его странности.

— Когда почувствовали, что киевские власти начали «охоту» за Параджановым?

— В 66–67-м. Примерно два месяца он ждал от Укргопкино ответа на сценарий «Киевских фресок», когда появились фантастические, непонятные замечания. Три дня продолжались пробы, где я бесплатно (на казенные деньги фильма не запустили, ибо решили: пусть делает пробы, а там посмотрим) трудился ассистентом режиссера. Почему-то сразу стало понятно: картину «закроют». Что и произошло после просмотра проб.

Его грядущий арест витал в воздухе. Еще на премьере «Теней» в начале 64-го (меня тогда не было в Киеве — впервые приехал туда в октябре того же года) друг Параджанова Иван Дзюба, замечательный человек, поднялся на сцену и после нескольких фраз о фильме сказал в микрофон примерно следующее: «Товарищи! Во Львове арестованы художник такой-то и такие-то, такие-то...» Тут же Дзюбу снесли с подиума, выключили микрофон. А Сергей, уже тогда боевитый, что-то ляпнул. С той премьеры, ставшей опасным прецедентом

для Киевского КГБ — вероятно, самого страшного в СССР, — на мой взгляд, и началась его драма. Плюс Параджанов стал везде — на улицах, дома, по телефону — чекать язык о «сволочах» во власти.

— В те годы уже практиковался «надзор» за деятелями искусства в Киеве?

— Конечно, Параджанов был не единственным объектом особого внимания властей. После премьеры «Теней» арестовали известного поэта Стуса, а Сергей, единственный из мира кино, подписал коллективное письмо за освобождение Стуса. В 68-м или 69-м чекисты взяли того самого Дзюбу, написавшего очень хорошую, далеко не сепаратистскую книгу «Украина и русификация» (ее примерное название). Только Параджанов навещал его в тюрьме, носил передачи. А я, мальчишка, нес с Сергеем эти авоськи.

Параджанов в принципе любил играть с огнем. Что очень многие считали (и считают до сих пор) эпатажем. Однако, на мой взгляд, это и есть свобода личности. Способ жизни, очень органичный для Параджанова.

— Помните подробности его ареста?

— Примерно за 4–6 месяцев до ареста у Параджанова поселился Валентин Парашук, который написал интересный сценарий... Парень хотел учиться во ВГИКе, и Сергей настоятельно просил: «Почитай! Колоссальная вещь! Фантастический сценарий! Классный!» Действительно классный.

Сергея взяли так. Параджанов с Парашуком вернулись в Киев из Минска или Москвы, где он участвовал в совещании, куда его не приглашали. Вдруг звонит архитектор Оксана Руденко, которая, рыдая, сообщает: ее коллега Миша Сенин кончил жизнь самоубийством. Параджанов закричал в трубку: «Сволочи! Коммунисты! Не верю! Это они его убили! Ты где? Подъезжай ко мне!» — «Буду через полчаса». Однако максимум через 15 минут позвонили в дверь. Сергей пошел открывать. Вошли пятеро или четверо, назвались и тут же: «Вы арестованы!» Сергей помнил, что от них несло перегаром. Вдруг один из них, гулявший по квартире, заметил кого-то на балконе. Эта была Руденко, приехавшая не через полчаса, как ожидалось, а через семь минут. Нежданные «гости» ее выгнали.

Если бы не Оксана, никто бы не узнал, что случилось с Сергеем. Светлана, его жена, и Сурен Шахбазян, замечательный человек и оператор, три дня не могли выяснить, где Параджанов. Они звонили и в МВД, и в КГБ — всюду отвечали, что ничего не знают об аресте. Лишь на третий день в Госкино пришли из КГБ и, прервав какой-то просмотр, сообщили: ваш сотрудник арестован и обвиняется по шести статьям Уголовного кодекса Украины.

— Парашука тоже взяли?

— Не знаю. Но парень спустя день или два позвонил: «Рома! Там страшно — надо помочь! Надо звонить Герасимову, другим мастерам...» Я не до конца уверен относительно Парашука: действительно ли он «подсадная утка», как уверяли все друзья. Хотя многие так считают до сих пор.

— Тогда же возник широкий

Фот. В. ПОЛТНИКОВА

круг людей, боявшихся даже произнести вслух имя Параджанова?

— Безусловно. Почти все местные испугались. Никто из тех, кто мог, за него не заступился. Я имею в виду официально. Из Еревана пришли письма ЦК, других ведомств. Шкловский с Тарковским написали Щербицкому, тогдашнему первому секретарю ЦК Компартии Украины. С Дзюбой я тайно встречался около метро. «Боюсь, что это дело политическое», — догадывался Дзюба.

Накануне суда, заседания которого начались спустя три месяца после ареста, сестра Параджанова из Москвы хотела привезти с собой адвоката, звонила в Киев, а назначенный судья успокаивал: «Зачем

адвокат? Самое большее, что ему грозит, — год условно». Мы все поверили. Я и мой ереванский товарищ Роберт — молодые и дурные, на третий день суда подошли к назначенному из Киева адвокату. Хороший парень с фамилией Шевченко. «Как он?» — «Все нормально, но дело в том человеке». И показывает на незнакомца. «Кто такой?» — «Борбеев. Фигурирует в качестве объекта насилия со стороны Параджанова».

— «Да вы что?» Мы подошли к парню, завели его в телефонную будку. Роберт, каратист, стал ударять его в печень: «Слушай, сука! Если выступишь против Сергея, пожалеешь...» — «Ребята! Я-то все отрицаю — у меня двое детей. Но сам Сергей Иосифович говорит...» Потом выяснилось — они с Сергеем

шесть лет «тесно дружили», а за день до ареста ему пригрозили: дашь показания на насилие со стороны Параджанова, и мы ничего не сообщаем ни твоей жене, ни на твою работу. Им нужно было выдумать жертву насилия.

— Как узнали, куда отправили Параджанова после суда?

— Уже не помню. Важно другое: спустя год я, Беляков, ныне покойный оператор, Михаил Беликов, его жена Татьяна и Виктор Джорбеннадзе, приехавший из Тбилиси друг Сергея, сели в машину и поехали в тюрьму. Когда разрешили, между нами ходил лейтенант с мухобойкой и с поврежденным глазом. Показав на офицера, Сергей сказал: «Если бы не он, меня бы давно убили». Посадили с

Параджановым некоего вора в законе. Кстати, армянина, который, узнав, что сосед по камере — педераст, согнал Сергея с нар и выставлял в дождь на улицу. Параджанов часа три там дрожал, пока случайно его не увидел этот лейтенант: «В чем дело, заключенный?» В первые дни добрее там оказались, как ни парадоксально, охранники, понимавшие: с Параджановым что-то не то. Пока его дело добиралось до тюрьмы, кем-то запущенный слух долетел до нар: посадили педераста. На самом деле сегодня таких, как Параджанов, называют бисексуалами. Таких в зонах немало. Хорошо запомнил признание Сергея после лагерей: «Я, дипломированный советскими властями как педераст, думал там только об одном: Господи, хоть бы не опустили!» И три месяца он этого боялся, пока наконец не пришло его дело.

— Помните ваши впечатления, когда впервые увидели его в тюрьме?

— Мы встретились в отдельной комнате лагеря, выстроенного на территории гранитных рудников. Сначала заметили его за окном: остриженный, усы остались, но крохотные... Он настолько исхудал, что сначала его не узнали. Вдруг обнаружил у него абсолютное отсутствие подбородка. Словом, Параджанов выглядел очень непривычно, даже смешно. Сразу стали шутить, хохотать. Дали Вите возможность наговориться с Сергеем по-грузински, а сами отвлекли разговорами лейтенанта. Когда прощались, Витя и Таня заплакали. Мы с Мишей хорохорились, рассказывая анекдоты. И Сергей так же себя вел. А потом он отошел и вновь встал за окном — абсолютно одинокий, брошенный всеми человек. После войны так выглядели нищие.

— Кем он трудился в лагере?

— Дворником. Там быстро с ним определились. Позже он просил всех присылать фотографии актеров и актрис, снимавшихся в его фильмах, газетные статьи, из которых было понятно, что он — режиссер. В лагере никто не верил, что он, рядовой фразер, имеет отношение к кино. Не припомню, как много вырезок и фото, где Сергей изображен с известными коллегами, я выслал ему.

— Когда Параджанов вернулся на свободу, не возникало ощущения, что он опустошен?

— Нет. После его возвращения возникло парадоксальное ощущение: это мы находились в тюрьме, а он — на свободе. Сергей наконец-то нас навещал: хохотал, как и прежде, продолжал нести нелепицы. Кому-то показало: Параджанов вернулся озлобленным. Это неправда. Он за решеткой сидел озлобленный. Как так? Раньше он, как говорится, головой потолок ломал за друзей, а когда с ним случилось такое, никто палец о палец не ударил.

— Многие из тех, с кем я беседовал, предполагали: власти Украины ни при чем — «заказ» на Параджанова поступил из Москвы.

— Они неправы. Дело Параджанова состряпано представителями украинских властей. Механизм Системы был запущен против него в результате чьей-то (чиновников по рангу намного ниже Щер-

бицкого) обиды или злости. Вероятно, кого-то сильно задевали речи Параджанова. И на него «капали» куда следует. Плюс ушел со всех постов предыдущий руководитель республики Шелест, который с Параджановым вроде бы дружил. За месяц до посадки Сергея Юра Мелко (теперь живет в Вашингтоне) сказал: «Сергея! Тебя хотят посадить». Параджанов ухмыльнулся: «А я буду продолжать говорить все, что хочу». — «Да тебя не за это возьмут. Тебя посадят как педераста». — «Меня! Как педераста?» Версия Мелко выглядела так: Щербицкий стремительно прощался с людьми Шелеста. Не знаю, откуда это узнал Юра, но его прогноз спустя месяц оправдался.

И еще. Щербицкому не надо было советоваться с Москвой, он все делал так, как хотел. А случилось это, видимо, так: кто-то пришел к нему с досье на Параджанова, а там одни гадости. Последовала желанная для кого-то резолюция: «Немедленно убрать, изолировать от общества!»

— Но «кто-то» — человек КГБ или ЦК Компартии Украины?

— Думаю, речь идет о совместной акции отдела культуры ЦК КПУ и республиканского КГБ. Параджанов постоянно поносил какого-то инструктора ЦК в сфере культуры. Забыл фамилию: он мало кому нравился среди моих коллег. Я ни разу не видел его — человека, написавшего ужасную статью о поэтическом кино сразу после ареста Параджанова.

— Как отразилась тюрьма на судьбе Параджанова?

— Недаром он писал оттуда о своих «университетах», желая Тарковскому и мне минимум год посидеть за решеткой (эту записку я передал Светлане). Наконец, там у него нашлось время помолчать. Появилась возможность сосредоточиться, заняться собой, своей внутренней жизнью. Правда, он всегда умел оставаться одиноким, несмотря на окружение.

Параджанов в тюрьме ушел в свое невиданное прежде искусство.

...Я редко рассказываю о Параджанове, ибо почти все мои воспоминания — непечальные. Но я люблю Параджанова, наверное, даже больше, чем остальные. Сергей был полон сострадания к ближним. А как он умел прощать тех, кто его предавал! Что мне интересно в Сергее? Сокрушительное жизнелюбие. Несмотря ни на что и ни на кого, Параджанов — человек-хохот. Который никогда и никому не демонстрировал ни секунды скуки.

— Вы впервые для меня открыли удивительное качество Параджанова: прощать тех, кто его предавал.

— Нет человека, которого бы он не простил при жизни. И до лагерей Сергей всегда был таким: обгадит, расцелует, прощает, обожаешь... Знаете, Сергею очень нравился каратомер — прибор, определяющий параметры бриллиантов. Этого тонкого чувства меры в поведении у Параджанова никогда не было. Его талант в искусстве был чрезмерен. Как и в жизни.

Беседу вел
Голик КАРАПЕТАН